(в частности, на стилистику «Задонщины»), а с другой — перерабатывая знакомые ему народно-поэтические образы.

Сама же «Задонщина» представляет собой пример аналогичного подхода к фольклорной стилистике. Если бы мы не знали о прямой зависимости этого памятника от «Слова о полку Игореве», мы бы, очевидно, делали предположения о большом количестве фольклорных источников, лежащих в его основе. Между тем народно-поэтическая стилистика «Задонщины» во многом, так сказать, вторичного происхождения. Правда, внимательный анализ показывает сознательный характер использования богатой образности «Слова о полку Игореве» автором «Задонщины». По словам новейшего исследователя, автор, обращаясь к «Слову», «очевидно, с особым вниманием останавливался именно на устно-поэтических его элементах, придавая им, однако, форму, более привычную для XIV в.».[21]

Тем не менее связи «Задонщины» с фольклором ограничиваются преимущественно стилистикой и, по-видимому, совсем не касаются сюжетной и композиционной сторон. Характерно в этом плане, что предполагаемая песня о помощи новгородцев, полностью воспроизведенная в «Сказании о Мамаевом побоище», потеряла характер целого в «Задонщине» и отразилась здесь в виде небольшого эпизода:

Звонят колоколы вечныа
в великом Новегороде,
стоят мужи новгородцы
у святой Софеи арькучи:
Уже нам, братие, на пособе
великому князю Дмитрию Ивановичу не поспеть.[22]

Тот же, мне кажется, случай можно усмотреть в одном из заключительных эпизодов «Задонщины». Здесь рассказывается о том, как Мамай после разгрома на Куликовом поле бежал в Кафу. Приведу это место полностью в том виде, как оно реконструировано В. П. Адриановой-Перетц:

«И отскочи [поганый] Мамай серым волком от своея дружины и притече к Кафы граду. И молвяше ему фрязове: чему ти, поганыи Мамаи, [посягаешь] на Рускую землю? То ти была орда Залеская, времена первыи. А не быти тебе в Батыя царя. [У Батыя царя было] 400000 вою, воевал всю Рускую землю и пленил от встока и до запада. А казнил бог Рускую землю за съгрешение. И ты пришел [царь] Мамаи на Рускую землю с многими силами, с девятю ордами, с 70 князьми. А ныне бежишь сам девят в лукоморье, [не с кем тебе зимы зимовати в поле. Нешто тобя князи руские горазно подчивали, ни] князеи с тобою нет ни воевод? Нечто гораздо упилися на поле Куликове на траве ковыли? Побежи, поганыи Мамаи, и от нас по Задлешью».[23]

В. П. Адрианова-Перетц видит здесь народное предание. Исторические обстоятельства в рассказе смещены (Мамай бежал в Кафу не сразу после Куликовской битвы, а позже, после поражения, нанесенного ему Тохтамышем; фряги убивают Мамая, о чем «Задонщина» не упоминает). «Самый строй рассказа, образ битвы-пира, на котором держится насмешливая речь фрягов, — все это говорит за то, что Софоний ввел какое-то устное

---

[21] В. П. Адрианова-Перетц. Историческая литература XI—начала XV в. и народная поэзия, стр. 134, там же соответствующие примеры.

[22] Там же, стр. 132.

[23] В. П. Адрианова-Перетц. Задонщина (опыт реконструкции авторского текста). — ТОДРЛ, т. VI. М.—Л., 1948, стр. 232.